

РОССИЙСКИЙ ЛАФОНТЕН

К 250-летию со дня рождения
И. А. Крылова

1. Читали ли Вы ранние произведения Крылова: трагедию «Филомела», комедии «Бешеная семья», «Проказники», «Сочинитель в прихожей» и другие из того же ряда? Есть ли у Вас желание их прочесть? Если нет, то почему?

2. Припомните — по принципу ближайших ассоциаций — три басни Крылова. Знаете ли Вы какие-то из них наизусть? Ваш Крылов школьный или еще и прочитанный самостоятельно?

3. Каким Вам представляется Крылов в личной жизни? Вписываются ли в Ваше представление о нем рассказы современников, что ему случалось зарабатывать на жизнь карточной игрой на ярмарках?

4. Крылов родился почти одновременно с Карамзиным (он всего на три года моложе), но умер уже после Пушкина и Лермонтова. Почему же «дедушка Крылов» воспринимается как писатель более ранней, не пушкинской, эпохи?

5. Белинский считал, что басни Крылова выражают житейский здравый смысл. Означает ли это, что здравому смыслу чужда идеализация и романтизация действительности? В чем сам Крылов выше — в воспевании добродетели или в осмеивании порока?

6. Можно ли говорить о каких-то литературных наследниках Крылова-баснописца? А о жанровых традициях басни в современной литературе?

7. Снижается ли ценность басен Крылова оттого, что довольно многие их сюжеты заимствованы у Лафонтена, Эзопа и т. п.?

8. Много ли потеряли бы басни Крылова, если удалить из них дидактические заключения?

9. Согласны ли Вы с его высказыванием, превозносящим «того, кто главнейшие правила добродетельных поступков предлагает в коротких выражениях»?

Денис Драгунский, писатель и журналист (Москва)

1. Только «Сочинитель в прихожей», этакий чудесный образчик для теперешних мыльных сериалов. Не знаю, найду ли время для прочего.

2. Почему три? Но если три — то «Ворона и Лисица», «Мартышка и очки», «Свинья под дубом». Эти знаю наизусть. А также непременно «Квартет», «Лебедь, Щука и Рак», «Пустынник и Медведь», «Осел и Соловей», «Демьянова уха», «Волк и Ягненок», «Слон и Моська», и всего не перечислишь. Здесь вся русская цивилизация, вся наша моральная философия. Журналист Алексей Букалов рассказывал: Юрий Гагарин был человек остроумный и сам себя в своих шутках не жалел. Однажды в Италии, где у него был целый тур по городам, он, уже уставший после трех встреч и собираясь на четвертую, сказал журналисту со вздохом: «Ну, пойдем дальше слона водить». — «Кого?» — журналист сразу не понял. «Меня, — усмехнулся Гагарин. — Как видно, напоказ...» Крылова я читал еще до школы, с папой и мамой, вслух, в книгах с картинками. В школе

тоже. Это тот прекрасный случай, когда школьная программа прочно впечатывается в память, остается навсегда.

3. Легко готов в это поверить! Мне он представляется человеком умным, ехидным, но очень простым в обращении. Но не простаком, а, наоборот, человеком весьма ухватистым. Любителем вкусно поесть. В расстегнутом сюртуке, а то и в халате.

4. Крылов, как и сам Пушкин, был автором скорее XVIII века (касательно Пушкина это блестяще доказал Губер). Пушкин был неким отдельным невероятным феноменом. Великий реформатор языка и стиля по своей идеологии, содержательно — принадлежал не XIX, а все-таки XVIII веку: патриот, атеист, империалист, аристократ, имморалист, эстет. Пушкинской эпохи не было — был один Пушкин, и, наверное, Крылов рядом с ним, как Лафонтен рядом с Корнелем. Язык Крылова совершенно пушкинский, а в своей народности даже чуть дальше высовывается за грань времени: «Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек», «Чему обрадовался сдуру, знай колет! Всю испортил шкуру!» Но иногда нарочито классичный: «Затихли ветерки, умолкли птичек хоры, и прилегли стада» (для меня это из того же пакета, что и «Когда для смертного умолкнет шумный день»). Моральные максимы Крылова и имморализм Пушкина — две стороны одной монеты XVIII века. Дальше начался новый век (девятнадцатый, железный, но при этом добрый до плаксивости и очень народолюбивый) — возможно, в идейном смысле Крылов пророс в XIX век даже сильнее Пушкина.

5. Нет, конечно, не означает. Романтизация и идеализация точно так же принадлежат здравому смыслу, как и цинизм, как и неверие ни во что.

6. Ну разве что басни Сергея Михалкова. Кстати, среди них встречаются смешные и точные, несмотря на «советскую» дидактику, которая иногда все дело портит. А когда нет этих политических выводов типа «А сало русское едят!» — то получается прелестно, например, хрестоматийные «Лиса и Бобер» или «Заяц во хмелю» (недаром у последней басни есть несколько полупохабных переделок, с матерщиной и совсем другой моралью; значит, народ полюбил!).

8. Они бы потеряли все. Представляете себе «Мартышку и очки» без резюме? А «Ворону и Лисицу» без предваряющей басню морали? Получилось бы непонятно что.

9. Полностью согласен. Теорема должна быть краткой и убедительно доказуемой.

Владимир Елистратов, культуролог (Москва)

1. Я учился на филфаке, и ранний Крылов входил в программу. Я, помню, читал журнал Крылова «Почта духов», не все, конечно. Драматургию его скорее просматривал, чем читал. И все равно осталось впечатление: это не XVIII век и не начало XIX, а что-то из эпохи Островского. Перечитать раннего Крылова, конечно, хочется, как и многое другое. Времени нет. На пенсии, если доживу, перечитаю.

2. «Мартышка и очки», «Лебедь, Щука и Рак», «Стрекоза и Муравей». Целиком наизусть вряд ли помню хоть одну басню. Но один случай меня поразил. Я как-то раз был на острове Бали, и там около моего бунгало жило много обезьян. И одна обезьяна сперла у туриста очки. Хотите верьте, хотите нет, но она проделала с ними (в строгой басенной последовательности!) все те же манипуляции: «То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет, то их понюхает, то их полижет...» Что это? Совпадение? Мистика? А Крылов — фигура, на мой взгляд, весьма мистическая, магическая. Он ведь своими баснями как бы заколдовал русский язык на двести лет вперед. Как Пушкин, Грибоедов, Булгаков. Это такой «белый маг» российской словесности. В детстве, в школьные годы, тексты его басен входят, как говорится, в подкорку. И продолжают

там жить, даже если человек их в дальнейшем сознательно и не перечитывает. А здесь — антикомплексы, прививка ментального здоровья.

3. Думаю, Крылов был «по жизни» блестящий актер и «автомифотворец». Вне всякого сомнения, он был смелый авантюрист (в хорошем смысле этого слова). Дерзкий, озорной, «рисковый». Игра на деньги на ярмарке, если она и была, — мелочь. Крылов играл по-крупному. Играл в Большую Игру под названием Литература. А Литература — это, конечно же, игра: создание некоей параллельной «виртуальной» реальности, которая изменяет и формирует саму реальность. В этом смысле личность Крылова, как и личность любого другого настоящего писателя, — микрокосм в Макрокосме Литературы.

4. Крылов действительно очень часто идет в учебниках как писатель XVIII века. Думаю, это общая инерция литературоведения. Напомню, что Достоевский «стартует» в год смерти Крылова. Гоголь умирает всего лишь на восемь лет позже Крылова. Лермонтова не стало на три года раньше, чем не стало Крылова. И т. д. и т. п. Такая же неразбериха и с разграничением писателей XIX и XX веков.

5. Еще раз: нет ничего более загадочного и, опять же, магического, чем житейский здравый смысл. Просто жить, несмотря ни на что, да еще и с улыбкой на устах — это тот же буддизм, сократизм и проч. Не «концептуально выпендриваться», а просто жить, быть «дедушкой Крыловым», якобы умершим от объедения блинами. И при этом быть наперебой цитируемым столетиями. «Идеализация» и «романтизация» — довольно неясные слова, идущие от профессиональной философии и культурологии. А там мудрости маловато.

6. Басня появляется тогда, когда есть установка на некое глобальное табу. Эзопов язык — это когда «низзя». А когда все «зя» — эзопов язык блекнет, уходит в тень. Это не значит, что басня — сатира или «фига в кармане». Крылов писал свои басни, когда существовала цензура. И дело не в том, что он «обходил цензуру». «Обходил» он ее как раз в своем раннем творчестве, в комедиях и т. д. Сам дух басни как жанра удивительным образом соответствует эпохам так называемой несвободы. Заметьте: Крылов был уважаем властями. Как и Лафонтен. А в советское время главным баснописцем у нас был автор гимна С. Михалков. Басни С. Михалкова не самые худшие, что были написаны в XX веке. Сейчас жанр басни, как сказали бы индусы, в пралайе, то есть в некоем анабиозе, спячке. Потом когда-нибудь наступит манвантара — пробуждение.

8. Крылов как раз сделал все, чтобы минимизировать дидактику, вернее — превратить ее в сочный афоризм. Традиционная басня (у нас ее первым прививал Сумароков) — это очень много дидактики и чуть-чуть повествования. Напомню: басня — эпический жанр, то есть она идет в той же рубрике, что и роман, рассказ. Кстати, самый, пожалуй, короткий эпический жанр — эпитафия, надпись на могиле. На одном из московских кладбищ есть эпитафия на могиле шулера: «Я — пас». Это — эпос в два слова. Так вот Крылов дидактику свел к афоризму, а повествование превратил в комедию-сценку. И басня ожила.

9. Полностью согласен. «Краткость — сестра таланта». Да, быть кратким и точным в речи — это одна из высших добродетелей. Вспомним спартанцев, римских стойков, даосов, суфиев и т. д. И, соответственно, «правила добродетельных поступков» должны формулироваться кратко.

Вера Калмыкова, критик, искусствовед (Москва)

1. Читала только «Бешеную семью» — до чего же прелестная вещь, совершенно французская. Имена какие замечательные: Сумбур, Проныр, Изведа! И обратите

внимание — ударение на последний слог, прям Франция-Франция. Жалко, что ее не ставят (если ошибаюсь, буду рада), она и живая, и смешная. «Филомелу» никогда толком не читала, только куски (не люблю всех этих кровавых историй), но там есть один момент — язык. Ведь Крылов это писал в 1783 году, еще двадцати лет не было, совсем ничего не умел и еще меньше понимал, а пластика стиха уже ощущается.

Вообще Крыловым я заинтересовалась, узнав, что Аркадий Штейнберг почитал его великим поэтом: не баснописцем, а именно поэтом. До тех пор относилась к Крылову с уважением, но без интереса.

2. «Квартет», «Мартышка и очки», «Лягушка и Вол» — наизусть не знаю, но постоянно цитирую «мораль сих басен» (и других тоже). Не только школьный и не совсем самостоятельный. Вообще понимаю, что очень хотела бы освоить весь XVIII век и то, как он входил в XIX, какими клиньями.

3. Для меня Крылов — вечный дед. Многие с детства помнят его портрет — где он с тяжелым взглядом и седыми бакенбардами. Только не добрый дедушка, не Дед Мороз, а строгий и суровый. Во все влезет, все прокомментирует, язвителен, желчен, да и палкой может. Частную жизнь его не знаю совсем. Помню, что был беден... что кажется карточной игры — почему нет? Поэт же. Поэты многое могут, если им очень приспичит.

4. «Некалендарные», а «настоящие» века и их взаимные границы — это очень интересная тема. Осмнадцатое столетие представляется зачастую тяжелым и серьезным, хотя вовсе не было таким. Следующее кажется более легковесным... хотя это опять не так. Я думаю, Крылов соотносится с XVIII веком именно из-за отсутствия легкости в его баснях. Из-за стремления к морализаторству.

5. Ах ты, Белинский. Белинский вон считал, что Пушкин исписался. Мало ли что Белинский.

Что же до второй части вопроса, то я заметила вот что: наиболее здравомыслящими постоянно оказываются неисправимые романтики. Таков урок практической жизни.

6. Думаю, все поэты-басенники идут от Эзопа и связаны друг с другом по хронологической вертикали одной веревкой. Более современных басенников, чем Михалков, не знаю. «Заяц во хмелю» — хорошая вещь.

8. Всё. Всё потеряли бы.

Если мы говорим о поэзии, то, значит, говорим о чуде. Так вот. Самое главное чудо у Крылова находится в интерлиньяже между историей и моралью. В этой паузе, когда ты не знаешь, о чем будет дальше, вне зависимости от композиции, предшествует ли сюжет морали или мораль сюжету.

9. Разумеется! Ну не страницами же...

Константин Комаров, поэт, критик (Екатеринбург)

1. Читал, но очень давно. Есть желание перечитать, чтобы уяснить истоки таланта Крылова-баснописца, интересно проследить его жанрово-стилевой путь к басням.

3. Примерно таким, каким он предстает в многочисленных исторических анекдотах, о нем повествующих (не так давно вышла замечательная книга Е. Курганова об историческом анекдоте, где собрано немало историй, касающихся Крылова), — обаятельным увальнем и обжорой, но и пройдохой, который своего не упустит. Ключевое слово — «обаятельный». Мне кажется, что при всей его «тяжеловесности» в нем была мощная витальная сила раблезианского пошиба, и во многом этот парадокс и определял неповторимое своеобразие его личности.

5. Добро вообще с гораздо большим трудом поддается поэтической «обработке», нежели зло, ибо неизбежно зависимо от упомянутой дидактики — в той или иной мере. Поэтому хорошая сатира часто звучит сильнее, чем чистые поучения. И Крылов здесь, на мой взгляд, не исключение. Но высмеивая пороки, он именно воспевал добродетель — от обратного. Это две стороны одной медали, одного художественного мира, я бы не стал их жестко разделять.

«Неистовый Виссарион» прав, здравого смысла в баснях Крылова достаточно. Но если бы они исчерпывались им одним — не факт, что Крылов бы стал классиком. В юности я слышал одну любопытную и убедительную лекцию о том, как из басен Крылова вышел чуть ли не весь Достоевский. Сказано — лихо, но разве финал басни «Волк и Ягненок» — «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» — это не экзистенциальная проблематика абсурда и вины?! Так что в Крылове еще копать и копать — и за внешним слоем «здравомыслия» обнаружатся романтизм, и идеализм, и экзистенциализм и т. д. Но это удел вдумчивого читателя, не довольствующегося очевидным.

7. Ничуть не снижается. Как, например, не снижается ценность баллад Жуковского. Сюжет в данном случае — только внешний каркас, в который Крылов вдохнул глубоко своеобразное, русское содержание, поэтому оригинальность его басен никому сомнению, на мой взгляд, подвергаться не должна.

8. В этом случае они бы в некотором роде перестали быть баснями, размылась бы «чистота жанра», ибо пресловутая «мораль» — это важнейший жанрообразующий элемент басни. К тому же дидактика Крылова никогда не казалась мне навязчивой, мораль органично вытекает из басенного сюжета, она живая и афористичная и находится на своем месте, никуда ее удалять не надо...

9. Смысловая компрессия, суггестия, емкость, а проще говоря — лаконизм — существенное свойство поэзии, именно оно делает ее «томов премногих тяжелей». Как говорил, кажется, Блок: настоящие стихи всегда несут добро, каково бы ни было их содержание, биография автора и т. д. В силу самой стихотворной материи подлинная поэзия всегда — «дитя добра и света». И добро это «упаковано» в лаконичную форму. Другое дело, что есть живая афористичность, а есть мертвая формульность. Крылов, будучи мастером «крылатых фраз», которые с детства западают нам в душу и в сознание, конечно, проходит по первому разряду, так что с его высказыванием я согласен.

Александр Ласкин, писатель, доктор культурологии (Санкт-Петербург)

1. Будучи более или менее прилежным студентом театроведческого факультета, я читал не только ранние, но и поздние пьесы Крылова. Конечно, для того, чтобы ответить с полным правом, надо было бы их перечитать, но, следуя отечественной традиции говорить не читая (или не перечитывая), я могу поделиться своими ощущениями. Мне кажется, что пьесы — не совсем крыловский жанр. Его настоящее призвание — короткое и афористичное высказывание в форме басни. Поэтому в его комедиях и трагедиях есть отдельные строчки (практически афоризмы!), но нет целого, того, что, собственно, и называется драматургией. Как-то М. А. Чехов сказал о «встрече с собственной индивидуальностью». У Крылова эта встреча случилась тогда, когда он нащупал свой «формат», а все остальное было подступами и примерками.

2. Наизусть можно знать только то, без чего жить невозможно, а при всей моей симпатии к Ивану Андреевичу он всегда был для меня автором неглавным. При этом, конечно, я сразу могу назвать и «Стрекозу и Муравья», и «Ворону и Лисицу», и «Лар-

чик». И еще пять-шесть-семь басен, которые я не только не забыл, но которые регулярно припоминаю по разным поводам.

3. Далеко не каждый человек способен порождать анекдоты. Нет прижизненных анекдотов о Пушкине, о Лермонтове, о Толстом и Достоевском. А о Крылове есть. Этому способствовали и его неумеренный аппетит, и многочисленные причуды. И, конечно, особенности выбранного им жанра, — трудно представить автора басен фигурой совершенно реалистической. Как видно, это понимал Петр Клодт, создатель изображения Крылову в Летнем саду. У Клодта Крылов не столько поэт, сколько частный человек, то есть все тот же обжора, холостяк и т. п. Он не стоит в какой-нибудь вдохновенной позе, а сидит, погруженный в свои мысли. Не знаю, от этого ли пошла традиция называть Ивана Андреевича дедушкой, или в 1855 году, когда был поставлен памятник, его уже так воспринимали.

4. А как может быть иначе? Дело в том, что с Пушкиным в русскую литературу вошла сложность. Сложность точки зрения автора и точки зрения его персонажей. У Крылова не так. Невозможно представить, что Муравей, измученный угрызениями совести, пускает в дом Стрекозу. Или Лисица с извинениями возвращает Вороне сыр. Мир басен (уж не говоря о крыловских пьесах) черно-белый и не может быть цветным. Потому они заканчиваются прямо высказанной моралью.

5. Я уже говорил, что басни — жанр условный. А где условность — там непременно идеализация и романтизация.

6. Думаю, что это не С. В. Михалков, чьи басни пересказывают вчерашнюю газету. Наследников Крылова я вижу среди наших мультипликаторов — начиная прекрасным Владиславом Старевичем, в ранних фильмах которого действуют жуки, а в поздних — лисы, львы и петухи, и заканчивая столь же замечательным Юрием Норштейном. Чего нет в этих фильмах, так это однозначности. Искусство XX века (уж не говоря о Пушкине, Толстом и Достоевском) сильно обогатило мир басенных героев. Вы представляете, что кто-то плачет над крыловской «Стрекозой и Муравьем»? «Стрекоза и Муравей» В. Старевича 1913 года заканчивается тем, что Стрекоза ложится на снег, положив под щечку маленькую скрипку (в этом фильме Стрекоза — скрипачка). Эта грустная сцена вполне может вызвать жжение в области глаз.

8. Дело не в заключительной морали, а в том, что сам мир этих басен дидактичен. Так что эта операция ничего не изменит — даже если тексты Крылова лишить выводов, он все равно останется автором допушкинской эпохи.

9. Да, именно «в коротких выражениях». С длинными, как уже говорилось, дело было сложнее. Еще, конечно, успеху Крылова способствовало то, что он выступал под маской: проповедовать мораль от первого лица — дело практически безнадежное.

Александр Ломтев, писатель (Саров)

1. «Филомелу» читал в студенческие годы. Впечатление сформулировалось несколько ироническое, примерно такое: «Ну чем тебе не Шекспир?!» В то же время прочитал и «Проказников». Комедия довольно простоватая, трафаретно написанная, и желания читать другие вещи того же ряда не вызвала. Тут Крылову, как мне показалось тогда, не удалось найти себя, выйти за рамки тогдашних традиций (история написания комедии и последствия ее написания интереснее, чем сама комедия). Однако как опыт, как литературная «тренировка» работа над этими произведениями была, наверное, полезна. Кстати, может быть, именно эти неудачи и привели к появлению великого баснописца; кто знает, сложись у Крылова хорошие отношения с театральным миром, мы могли бы остаться и без интересного драматурга (вряд ли по-

пулярные тогда пьесы «Модная лавка» и «Урок дочкам» можно считать вершиной драматургии), и без баснописца...

А все же, пожалуй, стоит найти свободный час-другой и перечитать эти произведения, чтобы сравнить свое тогдашнее восприятие с сегодняшним...

3. Обличал пороки, а сам в карты играл? Ну что ж, жизнь заставила — и играл. «Кто без греха, пусть первый бросит камень...» Мое представление о Крылове почти полностью базируется на рассказах о нем современников; мне кажется, я понимаю Ивана Андреевича. Ему пришлось встраиваться в тот сложный и для таких, как он, неприветливый мир, который его окружал, и он нашел свой образ, свою нишу, сумел не потерять себя... Добродушный хитрован с ясным и холодным рассудком, толстый увалень с железным стержнем внутри.

5. Наличие противоречия между здравым смыслом и романтическим (и даже идеалистическим) взглядом на жизнь кажется само собой разумеющимся лишь при поверхностном подходе к этому вопросу. На самом деле романтик может не менее трезво воспринимать действительность, чем прагматик. Вопрос в том, что считать здоровым смыслом. Многие свершения в жизни человечества смогли состояться именно благодаря романтикам и их здоровому взгляду на возможности человека и его будущее.

7. В данном случае сказал бы: сюжет — ничто, исполнение — все. Мне кажется очевидным, что басни Крылова — это не «переводы» Лафонтена и Эзопа (хотя были поначалу и переводы), это самостоятельные литературные произведения. В литературе довольно много примеров, когда один и тот же сюжет, использованный разными авторами, выглядит в одном случае как поделка (Лафонтена и Эзопа не касается), а в другом как шедевр.

8. Думаю, принципиально от такой «операции» басни не пострадали бы, но зачем? Есть жанр басни, есть привычное ее построение — есть ли смысл тут что-то менять. Тем более если вести речь о читателях — детях, здесь краткий и четкий дидактический итог просто необходим. В каком-то смысле каждая басня Крылова — это урок, и четко и ярко сформулированный вывод гвоздем вбивается в детское сознание. Мне кажется очевидным тот факт, что, осмеивая пороки, Крылов воспекает добродетель. И этот прием более действенен, чем прямое назидание: высмеять порок, чтобы подтолкнуть к добродетели, — это тоньше, чем просто призывать к ней.

9. Чехов сформулировал это несколько иначе: «Краткость — сестра таланта», но суть та же, с этим вряд ли кто-то станет спорить.

Андрей Новиков, поэт (Липецк)

1. В Литературном институте довольно подробно останавливались на ранних произведениях Крылова. Но это было все же поверхностное знакомство, в достаточной степени подчинено советской идеологии, поскольку на дворе были 80-е годы. Полностью читал «Сочинитель в прихожей», комическую оперу «Бешеная семья», язык которой нахожу довольно современным и отличным от иных произведений Крылова, «Филомела» выглядит более архаичной и прямолинейной. Из драматургии Крылова мне показалась интересной «Подщипа», в которой проглядываются «басенные» зачатки его стиля. Драматургия Крылова и сейчас выглядит современной, логично, что Крылов начал свою литературную деятельность с театра, в те времена он был средоточием литературной жизни.

3. Карточная игра в то время была в большой моде. Мог он зарабатывать игрой на жизнь? Вполне, и ничего страшного в этом нет. Пушкинская «Пиковая дама» — зеркало того времени.

5. Безусловно, в осмеивании порока. Даже житейскому здравому смыслу не чужды идеализация и романтизация действительности.

7. Все же ценность басен от заимствований сюжетов снижается. Читал «Стрекоза и Муравей» на французском, практически калька. Хотя вопрос «своего и чужого» с литературной точки зрения очень сложен.

8. Сложный вопрос, если удалить из них дидактические заключения, басни потеряют его авторскую оригинальность.

9. Согласен, если добродетель, как и краткость, — сестра таланта.

Алексей Пурин, поэт (Санкт-Петербург)

1. Увы, сочинений Крылова — за исключением басен — всерьез не читал. Наверное, потому, что даже и первосортная литература той отдаленной поры экранируется от нас нагромождением последующих шедевров. Как сказал один из «эпигонов» Ивана Андреевича, «никто не обнимет необъятного».

2. Ну конечно — «Мартышка и очки». Конечно — «Волк на псарне», про «серого... забияку» (какая лаконичная точность! и какая роскошная инверсия в этой строке: «Почувяв серого так близко забияку!») — Наполеона (который любил светло-серый колер, таким — спасибо Лермонтову — мы его и помним). Конечно же — «Слон и Моська»... Ну и сами назовете, как минимум, дюжину (что говорит о значительности сочинителя). (Но басен у него много — под триста — и далеко не все лампочки этой гирлянды светятся до сих пор.)

Боюсь, что собьюсь, попытавшись прочесть что-то по памяти.

Нет, не только в школе, читал и позже не раз, но все-таки с некоторым насилием над собой — не Пушкин ведь, не Баратынский, не Языков (то есть не лирика в полном смысле).

3. А поскольку не лирик, то никакого лирического героя для Крылова выстраивать и не надо. Обжора, плут, лентяй, баснописец, прихлебатель, директор Публичной библиотеки, грязнуля, за собой не следил и т. д. Физиономия некрасивая, лоб низковат. Слава богу, удачно играл в карты (как, к примеру, деляга Некрасов). А вот, например, «романтический» и «высоколобий» Пушкин играл отчаянно неудачно и оставил по смерти чудовищные долги. Ничего хорошего в том нет. Но за наличие лирического героя ему и долги спишут. «Недаром в кровь его влетел крылатый, / Безжалостный и жалящий свинец. / Кровь на рубахе...» Совершенно очевидно, что сперва было «в грудь», но кто-то, знающий эту историю, Багрицкому подсказал. И Багрицкий подчистил. Но замена заметна. Помилуйте, о каком животе может идти речь! А баснописец помер, говорят, от заворота кишок. И все этому верят.

4. Ареал русской басни — XVIII век. Крылов — завершитель этого жанра, замечательно обогативший басню разговорным языком начала следующего века, языком новым, можно сказать — «пушкинским», «батюшковским», «жуковским». Но басня, бывшая если не «высоким», то неукоснительно обязательным жанром для всякого серьезного стихотворца еще при Дмитриеве (1760—1837), кажется в конце 1810-х годов анахронизмом, ископаемым зверем. Уже у Батюшкова она непредставима, теперь ее пишут разве что в шутку, а всерьез — только будучи наивнейшим и отставшим от жизни графом Хвостовым, над коим все и смеются. После Крылова она становится жанром «низким», уходит либо в пародию (например, у Козьмы Пруткова), либо в стихотворную беллетристику (вспомним басни-агитки времен Первой русской революции про Николая Кровавого или времен Первой мировой про зверства людоеда-Вильгельма).

Банально, но басня — рабский жанр. Ставший совершенно ненужным и едва ли приличным для представителей просвещенного слоя русского общества, переживших европейские антинаполеоновские походы, взятие Парижа, декабрьский бунт на Сенатской.

Не знаю, отмечалось ли это исследователями, но мне кажется, что стилистические достижения русских баснописцев, в первую очередь, разумеется, завершителя Крылова, были восприняты прежде всего современной ему лирической поэзией и — несомненно! — «бессмертной комедией» Грибоедова (1822–1824, опубл. 1825). В ней как раз изображено противостояние новизны и анахронизмов. «Горе от ума» и аннигилировало классический басенный жанр.

Грибоедова помнят все (воистину половина строк стала пословицами... как у Крылова). А вот — поглядите — стихи Батюшкова («Князю П. И. Шаликову при получении от него в подарок книги, им переведенной», 1818), разностопные, что характерно именно для русской басни:

Такая жизнь для мыслящего — ад.
 Страний вам моих не в силах я исчислить.
 Скачи туда, сюда, хоть рад или не рад.
 Где ж время чувствовать и мыслить?
 Но время, к счастью, есть любить
 Друзей, их славу и успехи
 И в дружбе находить
 Неизъяснимые для черствых душ утечи.
 Вот мой удел, почтенный мой поэт:
 Оставя отчий край, увижу новый свет,
 И небо новое, и незнакомы лица,
 Везувий в пламени и Этны вечный дым,
 Кастратов, оперу, фигаляров, папский Рим
 И прах, священный прах всемирных столицы.

5. Как много слов написал этот болтливый читатель! Надо ли верить всем им?

6. Повторю, багаж «дедушки» разобрали лирические поэты. А формально басенный жанр разделился на два направления — иронически-пародийное (Прутков, Достоевский с «басней Крылова» (блистательное и исчерпывающее определение жанра!), сочиненной капитаном Лебядкиным, обэриуты и т. д.) и «прикладное» (Демьян Бедный, Сергей Михалков, все, кому не лень, — в редакцию «Звезды», где служу, периодически присылают — на самые актуальные темы).

8. По-моему, эти «морали» (не всегда заключения, зачастую преамбулы) тоже весьма заняты, забавны. Во всяком случае, удалять их никак нельзя.

9. К счастью, это никоим образом не относится к его басням. В них нет ничего глупо идеологического и тупо назидательного. А есть барочная (в духе Державина) яркость, пестрая разнообразность, пиршественное изобилие, словесное и образное обжорство. Раблезианство, одним словом. (В дозволенной, однако, властями предержанными дозе.) (Говорю, впрочем, о лучших его творениях в басенном жанре.)

Памятник Крылову в Летнем саду установили через одиннадцать лет после его смерти. Пушкин прождал опекушинский монумент сорок три года.

Так приходит земная слава.

**Евгений Степанов, поэт, издатель,
кандидат филологических наук (Москва)**

1. Читал и часто перечитываю. Я поклонник творчества И. А. Крылова. И очень рад, что мой любимый журнал «Нева» популяризирует творчество этого выдающегося автора. Я знаю, что ранняя трагедия Крылова «Филомела», увидевшая свет в 1786 году, была холодно встречена современниками. Между тем это произведение, как ни удивительно, абсолютно актуально по сю пору. Любимый мой герой этой трагедии — Калхант. Он говорит такие слова, которые нужно помнить всем живущим в этом не лучшем из миров. Калхант, на мой взгляд, символизирует разговор общества и государства, народа и власти. Это чуткое напоминание о том, как себя надо и не надо вести. В советские годы такие произведения можно легко было бы отнести к разряду анти-советских. Вот только две цитаты.

Постойте, слабые рабы свирепой злобы!
Кого стремитесь вы ввергать во мрачны гробы?
Забылись, что, приняв название царей,
Вы жизнью жертвовать клялись у алтарей...

Страшись, тиран, страшись своей жестокой страсти!
Готовы над тобой рассыпаться напасти:
Уже над домом сим разверзлись небеса —
Страшись отмщенья свирепого часа.

Не менее пронзительны и комедии И. А. Крылова. Замечательна, на мой вкус, комедия (она, кстати, написана не в стихах) «Сочинитель в прихожей». Типажи в ней узнаваемы и в наше время. Написано как будто сейчас.

Р и ф м о х в а т (*подходя к ней, кричит в самое ухо*). Я пишу, ваше сиятельство, поэмы, рондо, баллады (*она уходит к другой стороне, а он за нею*), еще, ваше сиятельство, сонеты, эпиграммы, сатиры (*она от него уходит, а он за нею*), письма, романы (*остановя ее*), еще, ваше сиятельство...

Н о в о м о д о в а. Нет, нет, довольно, сударь: я и от этого чуть на ногах стою.

Кого-то эти рифмохваты и новомодовы мне очень напоминают...

3. Я думаю, это был глубоко одинокий человек, небогатый. Он, кстати, так никогда и не женился. Не было денег. Но его вклад в культуру огромный. Интеллигентный русский человек, посвятивший себя творчеству. И вошел в историю изящной словесности. О его страсти к картам я никогда не думал. Знаю, что поэтам приходилось зарабатывать на хлеб насущный и более экзотическими занятиями.

5. В осмеивании порока. Это его фирменный стиль. В здравом смысле я вижу поэзии (сиречь идеализации и романтизации действительности) больше, чем в любой восторженной глупости. И. А. Крылов всем нам помог правильно смотреть на окружающий мир. И принимать его таким, каков он есть.

7. Нисколько. В литературе считанное количество сюжетов и жанров. Важно — сумеешь ли ты старую форму наполнить новым содержанием, своей индивидуальностью. И. А. Крылов — смог.

8. В баснях Крылова все на своем месте. Сам жанр предполагает дидактику. Меня до сих пор удивляет, как прочно строки из басен Крылова вошли в нашу плоть и кровь,

стали неотъемлемой частью отечественной культуры. Мы уже подчас и не помним, что эти слова написал баснописец.

«Вороне где-то бог послал кусочек сыру», «Спой, светик, не стыдись!», «По улицам Слона водили», «Ай, Моська! знать, она сильна, / Что лает на Слона!», «А ларчик просто открывался», «Попрыгунья Стрекоза / Лето красное пропела», «А вы, друзья, как ни садитесь, / Все в музыканты не годитесь». Подобные примеры можно приводить еще очень долго. Ясно одно — образный язык Крылова до сих пор живет. Он востребован.

9. Да, согласен. Болтовня никого не красит.

Вера Харченко, доктор филологических наук (Белгород)

1. Я ничего не знаю об этих произведениях, этих вещей я не читала. Конечно, теперь их прочитаю, эти тексты. А вообще мое знакомство с Иваном Крыловым продолжается едва ли не случайно. Появляются чрезвычайно значимые статьи, которые переворачивают сознание. Вот пример: в журнале «Москва» (2013, № 12) была опубликована статья «Антология одного стихотворения», и в ней оспаривался модный сейчас термин «кризис». «Это красиво сказано — „кризис“. А по-русски это не что иное, как Воровство. С большой буквы, глобальное Воровство на необозримых просторах нашей Земли». И цитируется басня «Безбожники»: «*Подождем, — Юпитер рек, — а если не смирятся / И в буйстве прекоснят, бессмертных не боясь, / Они от дел своих казнятся*».

3. Представляется таким толстым, добрым, ленивым, и этот образ навязан в какой-то мере литературой об И. А. Крылове. Слухи о карточной игре не влияют на мое представление. «Когда б вы знали, из какого сора / растут стихи, не ведая стыда». Нам важно различать репутацию и творчество. Конечно, утешительна мысль о том, что великий человек... и так далее, но важнее как раз то, что он оставил нам, то, что напечатал. Ах, как хотелось бы, чтобы среди писателей-поэтов были хорошие люди! Но пусть их репутация останется за скобками, нам бы успеть увидеть, пока жизнь идет, главное в их творчестве.

5. Пожалуй, в осмеянии порока. Только слово «осмеяние» здесь не очень подходит. Речь идет о тонком воздействии. И не все просто в этих баснях: Стрекозу нам... жалко («Стрекоза и Муравей»). Другая басня «Кот и Повар»: *А Васька слушает, да ест*, ведь говорится между строк (дети этого обычно не чувствуют), что Повар-то был подшофе. «Лебедь, Рак и Щука» — слишком часто бывает, когда воз тащат в разные стороны, а он и ныне там.

В 1776 году в Англии вышла книжка Томаса Пейна «Здравый смысл». И стала, как сейчас мы сказали бы, бестселлером. Потому что до сих пор не очень понятно, что такое «здравый смысл». Утверждение через отрицание? Идеализация и романтизация через их высмеивание? Норма становится хорошей, когда толково прописаны отступления от нее? Похоже, что так. Как лесу необходим волк (санитар леса!), так и литературе нужен специфический и очень непростой жанр басни.

7. Нет, не снижается еще и потому, что мы ничего не знаем ни о Лафонтене, ни об Эзопе. В начале 70-х годов в Ленинграде обсуждалась диссертация по Эзопу, 700 страниц. Правда, как раз в то время был издан приказ о максимальном объеме диссертации (150 страниц текста, не более!), и автор вынужден был сокращать свой опус. Но какой факт сам о себе: 700 страниц! Эзоп писал прозаические басни, тогда как Лафонтен поэтические. Это все есть в книге Л. С. Выготского «Психология искусства», там целая глава так и называется — «Анализ басни». Иван Крылов, как написано, ближе к Лафонтену. Говорится, что басня — это схема, в которую вкладывает каждый свое. Так что

у нас остается не Эзоп и не Лафонтен, а дедушка Крылов. И нам важно, что это русский текст, то есть текст, написанный на русском языке. А известно, что сюжет, героика, образы воздействуют на сознание человека, а вот язык и стиль — на подсознание. Давайте заглянем в «язык и стиль» всего одной басни. *Слаба глазами стала, Не столь большой руки, То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет, то их понюхает, то их полижет...* Достаточно, пожалуй, чтобы убедиться в языковом богатстве басни. Мы это все впитываем на подсознательном уровне, но впитываем глубоко и надолго. Мы привыкли говорить, и справедливо, о богатстве языка Пушкина. Но Крылов? Оказывается, что и у Крылова восхитительное богатство языка, а язык — хранитель нашей совести.

8. Полагаю, что классический текст необходимо сохранять в полном виде, без изъята чего бы то ни было. Мне думается, что целесообразно уважать жанр, тем более что некоторые жанры уходят: элегии, мадригалы, басни, семейная хроника, записки путешественника и многое другое. Какой серьезный поэт признается сейчас, что пишет басни? А вы попробуйте! И тут окажется, что язык самой простенькой басни великолепен своими оттенками. Соловей в басне: *защелкал, засвистал, тянул, переливался*. И это не полный ряд! *Вещуньяина с похвал вскружилась голова*. Или: *У сильного всегда бессильный виноват.* / *Тому в истории мы тьму примеров слышим.*

9. И согласна, и не согласна. И да, и нет, поскольку добродетельные поступки требуют комментария к ним, пояснения, примеров, а короткие выражения схватывают только суть поступка. В живой речи эти короткие выражения восхитительны. В 2012—2015 годах я записывала разговорную речь во всех ее проявлениях (кроме инвектив), и там были, конечно же, примеры из басен. «*А воз и ныне там*» (совещание с заведующими кафедрами), «*А воз будет и ныне там*» (совещание в Москве), «*Вороне где-то бог послал кусочек сыра*» (что-то упало в плацкартном вагоне), «*Ах, Моська, зная она сильна, что лает на слона*» (это в троллейбусе говорилось про Украину). Но большой литературе нужны и развернутые комментарии к добродетельным поступкам: почему надо поступить так, а не иначе. Очень подробные разъяснения давались автором, Френсис Бернетт, к своим непревзойденным детским книжкам: «*Маленький лорд Фаунтлерой*» и «*Маленькая принцесса*». Приключения Сары Кру». Взрослые не настолько далеко ушли от детей, чтобы можно было полностью полагаться на влияние афоризмов, без пояснений. О хорошем в жизни трудно писать, легко впасть в сладкоречие, в примитивизм. Да и о плохих поступках писать тоже трудно, почему басни И. Крылова не теряют своей актуальности.

Юлия Щербина, доктор педагогических наук (Москва)

1—9. Для меня Иван Андреевич Крылов — непревзойденный автор вечно актуальной человеческой комедии нравов, в которой добродетели неотделимы от дурачеств, а пороки часто весьма причудливы. Всякий раз, гуляя на Патриарших прудах и разглядывая крыловские басни в бронзе, представляю, какой по ним можно сделать классный графический роман. А из всех басен, которых аж 236, даже целую графическую серию.

Как филологу мне вполне понятно, почему Крылов традиционно воспринимается писателем допушкинской эпохи. Но просто как читателю его тексты — общепонятные, стилистически прозрачные и легкозапоминаемые — представляются мне самой что ни на есть современной литературой.

Упомянутые в анкете ранние пьесы не читала, так как вообще очень редко обращаюсь к драматическим произведениям — предпочитаю видеть их уже на театральной

сцене. Люблю использовать «по случаю» басенные фразочки и неизменно удивляться их чеканной точности. Поэтому полностью согласна с крыловским превознесением «того, кто главнейшие правила добродетельных поступков предлагает в коротких выражениях».

Три первые приходящие на память басни — хрестоматийные «Ворона и Лисица», «Стрекоза и Муравей», «Мартышка и очки». Занимаясь сейчас историческим изучением злоречия, назову также куда менее известную — «Клеветник и Змея». Змея с Клеветником спорят в аду, «кому из них идти приличней наперед» и «кто ближнему наделал больше бед». Змея уже было одерживает верх, похваляясь ядовитым жалом, но Вельзевул признает победу за Клеветником, чей злой язык способен язвить так далеко, что от него «нельзя спастись ни за горами, ни за морями».

С этой басней забавно контрастирует любопытный факт биографии «дедушки Крылова». Из-за какой-то доподлинно неизвестной обиды он ополчился на драматурга Якова Княжнина и сочинял на него пасквили с обвинениями в кошунствах и «безбожной брани». А еще обвинял Княжнина в неатрибутированных заимствованиях из французских классиков и отразил это в своей комедии «Проказники», где вывел Княжнина в уничижительном образе Рифмокрада. Это при том, что тот некогда содействовал продвижению крыловских текстов...

Из анекдотических историй известна также случайная встреча Крылова с хулиганскими студентами, которые высмеяли его дородность: «Смотрите, туча идет!» Баснописец ответил с той же интонацией: «И лягушки уже заквакали!» Так что рассказы современников об Иване Андреевиче как карточном игроке на ярмарках вполне вписываются в мое представление о нем. Разумеется, ничуть не умаляя его писательских достоинств и заслуг.

*Материалы Круглого стола подготовили
А. МЕЛИХОВ и Н. ГРАНЦЕВА*